

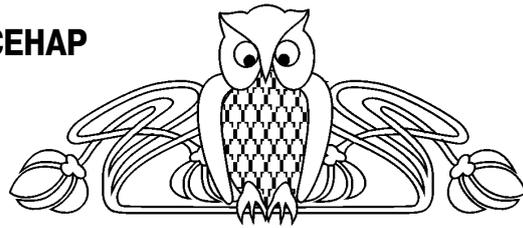

УДК 821.13.1.09+929Юрсенар

РУССКИЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ О МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР

Ю.А. Зеленцова

Поволжская академия государственной службы,
кафедра немецкого и французского языков
E-mail: zelentsova01@mail.ru

Статья предлагает историю публикаций переводов произведений М. Юрсенар на русский язык начиная с 1984 г. и систематизирует оценки и подходы к творчеству французской писательницы, параллельно складывавшиеся в отечественной критике.

Ключевые слова: М. Юрсенар, перевод, исторический роман, литература XX в.

Russian Reviews of Marguerite Yuorcenar's Works

Yu.A. Zelentsova

The article traces the publication history (since 1984) of the works by Marguerite Yuorcenar translated into Russian and classifies simultaneously appearing approaches in Russian reviews of the works of the French writer.

Key words: Marguerite Yuorcenar, translation, historical novel, twentieth century literature.

Маргерит Юрсенар, по меткому выражению одного из переводчиков, один из самых «известных неизвестных» авторов XX в. Жизнь ее охватывает век почти целиком – она родилась 8 июня 1903 г., умерла 17 декабря 1987 г. Настоящая ее фамилия – де Крэйянкур (Craupencour), а псевдоним Юрсенар – анаграмма, понравившаяся своим «турецким» звучанием. По рождению бельгийка, по языку француженка, она после 1939 г. жила в Америке и в 1947 г. получила американское гражданство, однако сознательно дистанцировалась от американской культуры и общества. С равным успехом она могла бы стать гражданкой любой другой страны. И, тем не менее, ее, уже потерявшую французское гражданство, принимают в 1980 г. в ряды «бессмертных», и она становится первой женщиной – членом Французской академии. Признанный классик на родине, она до сих пор ускользает от критических ярлыков. Переводчица произведений Юрсенар на русский язык Н. Мавлевич рассказывает о встрече с маститым французским критиком, уверенно указывавшим место каждого писателя в литературном процессе. И только имя Юрсенар заставило его запнуться. Она не вписывается ни в какие рамки. Юрсенар невозможно дать какое-либо определение. Кто она? «Это другой регистр – регистр вечности»¹, – нашелся французский критик.

Впервые российский, тогда еще советский читатель знакомится с Юрсенар в 1984 г. В серии «Мастера современной прозы» издательства «Радуга» под одной обложкой выходят два ее главных романа – «Воспоминания Адриана» («Mémoires

d'Hadrien», 1951) в переводе М. Ваксмахера и «Философский камень» (в оригинале «L'Œuvre au Noir», 1968) в переводе Ю. Яхниной.

Ю. Давыдов в предисловии, озаглавленном «Послевоенные романы Маргерит Юрсенар», отмечает, что эти произведения резко выделяются на фоне остального творчества писательницы. Им свойственны «органическое чувство истории, ощущение глобального масштаба исторических свершений»². Прежде чем роман «Воспоминания Адриана» принял определенную форму, Юрсенар пришлось скрупулезно воссоздать мир эпохи Адриана, в частности культуру, «с которой соприкасался император – как любитель поэзии и поэт; как любитель мудрости, философ и ученый»³.

Воскрешение прошлого не являлось авторской самоцелью. После Второй мировой войны интеллектуальные силы Европы были заняты осмыслением истоков фашизма, способов противостояния ему, поиском нового положительного героя – борца с эпидемией фашизма. Проблему эту Камю в романе «Чума» решает, создав образ доктора Рье, бьющегося с чумой упорно и без особой надежды на успех. Давыдов отмечает, что все свои надежды Юрсенар возлагала «на человека, одаренного государственным умом, а не на политическую систему», так как «все системы “жестки”, а человек – гибок»⁴. Юрсенар стилизует свое произведение под исторический документ – записки-воспоминания императора, как бы углубляя, «перенапрягая традиционную форму исторического романа»⁵. Критик определяет стержневой линией произведения идею «земной божественности человека», берущую начало в Возрождении. Адриан богоравен именно потому, что «ничто человеческое ему не чуждо», иначе говоря, «если хочешь быть богом – будь им»⁶.

Давыдов отмечает, что сказанное о художественном своеобразии «Воспоминаний Адриана» имеет непосредственное отношение и к роману «Философский камень». Новое в нем связано с «дальнейшим развитием концепции человека»⁷. В оригинале роман называется «L'Œuvre au Noir», буквально «черное деяние» – это алхимический термин, обозначающий одну из стадий Великого деяния, цель которого – получение Философского камня. Таким образом, «черная» стадия отрицания и разложения первоначального элемента необходима и положительна по сути своей. Замысел романа (не только художественный, но и интеллектуальный) «заключается именно в том,

чтобы ... подвергнуть восприятие слова “черное” в нашей культуре определенному отстранению – смысловому и эстетическому»⁸. Человек здесь – «чистое ничто», он определен через серию отрицаний: не зверь, не растение, не ангел, не бог. Единственное его достоинство – воля к самотворчеству. Давыдов приходит к выводу, что перед нами – роман воспитания; истинной проблемой человеческого существования оказывается проблема самосозидания. «Не случайно главный герой романа – алхимик, медик и философ Зенон, перешагнув рубеж своего пятидесятилетия, приходит к печальному заключению, что одна лишь первая фаза Деяния потребовала от него всей предшествующей жизни»⁹.

Это же издание заинтересовало и Виктора Ерофеева. В 1986 г. вышла критическая статья «Костюмированный бал разума», где он дает высокую оценку романам Юрсенар взвалила на свои плечи тяжелый груз «быть писателем, философом и историком одновременно»¹⁰ и блестяще справилась с этой задачей. В. Ерофеев подчеркивает дидактический элемент в «автожитии» римского императора Адриана, связь романа со временем его создания. Механизмы власти – одна из сквозных тем романа Юрсенар; она создает чрезвычайно притягательный образ «императора-санитара»¹¹, императора-миролюбца, наполняет прекрасную «форму» римлянина опытом европейского гуманизма. Именно с позиции просвещенного гуманизма Адриан оценивает и «каталогизирует» окружающий его мир, «ясность адрианского мышления превращает роман в стройную картину»¹². Даже спорные мнения императора являются не только следствием духовной ограниченности одного отдельно взятого человека, но и «... неразрешимыми антиномиями европейской культуры, тщетно бьющейся над достижением равновесия между преемственностью и прогрессом, свободой и предубеждением, уважением и страхом»¹³.

Второй роман, «Философский камень», действие которого разворачивается в средневековой Фландрии, напротив, «описывает мир чудовищного распада»¹⁴. Это произведение написано через двадцать лет после «Воспоминаний Адриана», и критик предполагает, что подобная позиция может означать уступку историческому пессимизму, так как послевоенные надежды не оправдались. Во всяком случае, здесь гуманизм оказывается в отступлении. Что делать в подобной ситуации? Юрсенар дает ясный и твердый ответ: оставаться человеком, даже если «чума» побеждает.

Выводы критика так же ясны и тверды: «исторический костюм, облекший плоть героя, не драпирует его мысль, которая тем самым становится вольной и всепроникающей»¹⁵. Таким образом, в критике советского периода в осмыслении творчества Юрсенар на первый план выходят проблемы связи писательницы с гуманистической традицией, а также трансформаций жанра исторического романа в литературе второй половины XX в.

В 90-е гг., когда отечественный книжный рынок затопила волна переводов, знакомство нашего читателя с творчеством Юрсенар продолжалось неравномерно, выбор произведений для перевода на русский носил случайный характер. Были переведены «Алексис, или Рассуждение о тщетной борьбе» («Alexis ou le Traité du Vain Combat», 1929) и первые два тома автобиографической трилогии «Лабиринт мира» («Le labyrinthe du monde», 1974–1988). Это своеобразные мемуары, тяготеющие к философским эссе. В трилогии, оставшейся неоконченной, писательница ставит целью не только описание истории формирования и распада собственного рода. С.Ю. Завадовская воспринимает мемуары сквозь призму романов писательницы, подчеркивая сквозную для обоих жанров тему становления и распада: «Недаром в “Философском камне” алхимика Зенона интересует прежде всего наблюдение за фазой выделения субстанции и ее распада»¹⁶.

В 1996 г. в издательстве «Энигма» в серии Rosarium выходят «Восточные новеллы» («Nouvelles Orientales», 1938). Rosarium – продуманный издательский проект, включающий сочинения «несакральные, профанные, имеющие целью не практическое преподавание тайной мудрости, а прежде всего эстетическое удовольствие»¹⁷, в которых тайное эзотерическое знание дается через «условное повествование о более или менее вымышленных персонажах». У Сергея Зенкина, автора статьи «О сакральном для профанов», вызывает некоторое сомнение целесообразность включения «Восточных новелл» в данную серию. Мало в них следов оккультной мудрости, мистических откровений почти нет (едва ли не единственное – явление Девы Марии монаху Феррапонту). С. Зенкин полагает, что «Восточные новеллы» были включены в Rosarium «по инерции», на волне впечатления от романа «Философский камень», действительно изобилующего эзотерической символикой. Тем не менее критик отмечает, что проза Юрсенар превосходна.

На сегодняшний день итогом деятельности наших издателей и переводчиков стала публикация в издательстве Ивана Лимбаха трехтомника избранных сочинений Маргерит Юрсенар. Первый том, включающий в себя новеллы и повести, вышел в 2003 г., второй и третий (соответственно романы и эссеистика) появляются в 2004. Это строго, со вкусом оформленное издание, «не без снобизма (в лучшем смысле этого слова)»¹⁸, было нужным, интересным и долгожданным, о чем свидетельствует живой отклик критиков.

Рецензия Е. Гальцовой на трехтомник написана с позиций литературоведения начала XXI в. Она отмечает, что проза Юрсенар не является «женской», писательница сознательно дистанцируется от феминистской проблематики. Ее проза сдержанна, стремится достичь равновесия между высказанным и невысказанным. В отличие от многих писателей XX в. Юрсенар сторонится

излишнего натурализма, лаконична в описаниях любовных сцен, ей чуждо стремление шокировать читателя: «Непристойность быстро утрачивает свежесть, вынуждая автора, который к ней прибегает, ее усугублять, но для подлинной правды это еще опаснее, чем намеки прежних времен. Грубость языка часто вводит в заблуждение, прикрывая банальность мысли, и за некоторыми великими исключениями легко сочетается с известным конформизмом» (Юрсенар, Предисловие к «Алексису»).

Вполне в духе литературы XX в. в прозе Юрсенар нарушаются многие традиционные табу, ее сюжеты содержат изображение разнообразных перверсий, однополый любви, инцеста. Однако, как подчеркивает Гальцова, дело не в сюжете, а в том, как и с какой целью он воплощается: «В одних случаях играет роль культурная традиция (как, скажем, в Древнем Риме, описанном в «Воспоминаниях Адриана»), в других – связь с мистическим поиском начала всех начал (как, например, в «Философском камне»), в третьих – воплощение инаковости по контрасту с обыденным миром»¹⁹.

Категорию национальной идентичности в «Воспоминаниях Адриана» рассматривает С.Д. Жиронкина. Исследовательница отмечает, что несомненный приоритет внешней и внутренней политики императора – мирное сосуществование наций; он с радостью наблюдал за оживлением торговли, будучи уверенным, что купцы вместе с товарами распространяют и толику своей культуры, могущей сплотить народы гораздо надежнее, чем военные легионы. «Но как бы ни был император Адриан открыт другим культурам, как бы ни стремился вобрать в себя их духовные ценности, а своим народам пожаловать различные права и привилегии, в центре всей этой системы все равно непоколебимо стоял Рим, город, где решалась судьба тех же самых народов»²⁰.

Повествование в произведениях Юрсенар часто ведется от первого лица. Она старается «вжиться» в образы своих персонажей, чтобы избежать морализаторства и менторского тона. Юрсенар стремится уйти от прямой авторской оценки, цель ее – «...показать человека наедине с собственной жизнью, пытающегося более или менее честно осмыслить ее и, прежде всего, вспомнить» (автокомментарий Юрсенар к роману «Последняя милость» («Le Coup de Grâce», 1939).

Прозу Юрсенар называют философской. «В ее романах царит атмосфера платоновских диалогов»²¹. Кажется, она сознательно следует формуле Камю: «Хочешь быть философом – пиши романы». Круг интересов Юрсенар весьма широк, что можно проследить по ее эссеистике, позволяющей погрузиться в художественный мир писателя. Ей интересно все: она пишет о греческой мифологии и о театре кабуки, о Рембрандте и

тантризме. Трехтомник избранных произведений снабжен большим количеством автокомментариев – это предисловия, послесловия, заметки, в которых автор раскрывает свои замыслы и может напрямую обратиться к читателю, разъяснить «темные» места, рассказать о скрупулезной работе над каждым произведением. Юрсенар на протяжении всей жизни постоянно обращалась к ранее написанному, редактировала, переделывала, а иногда и переписывала целиком.

Прозу Юрсенар невозможно читать «на бегу», и читатель ей нужен опытный – вдумчивый, чуткий, способный не только читать, но и перечитывать, не только смотреть, но и видеть. Отечественное литературоведение, как видим, на уровне предисловий и рецензий дало только первый очерк огромного и сложного художественного мира писательницы; очередь за его углубленным специальным исследованием.

Примечания

- 1 См.: *Мавлевич Н.* Маргерит Юрсенар: путешествие в вечность //Книжное обозрение. 2004. 20 сент. (№ 39). С. 10.
- 2 *Давыдов Ю.* Послевоенные романы Маргерит Юрсенар: Предисл. // *Юрсенар М.* Избранное / Пер. с фр.; Сост. М. Добродеевой. М., 1984. С. 5–26.
- 3 Там же. С. 7.
- 4 Там же. С. 8.
- 5 Там же. С. 9.
- 6 Там же. С. 11.
- 7 Там же. С. 15.
- 8 Там же. С. 16.
- 9 Там же. С. 18.
- 10 *Ерофеев В.* Костюмированный бал разума // Лит. обозрение. 1986. № 1. С. 72–75.
- 11 Там же. С. 73.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 74.
- 15 Там же. С. 75.
- 16 *Завадовская С.Ю.* Глядя на мир открытыми глазами // *Юрсенар М.* Северные архивы / Пер. с фр. Светланы Ломидзе / Авт. предисл. и коммент. С.Ю. Завадовской. М., 1992. С. 21.
- 17 *Зенкин С.* О сакральном для профанов // Иностранная литература. 1997. № 6. С. 243.
- 18 *Давыдов Д.* Неразменный эстетизм //Книжное обозрение. 2004. 9 февр. (№ 5). С. 4.
- 19 *Гальцова Е.* Романы и мысли: творчество Маргерит Юрсенар //Иностранная литература. 2004. № 12. С. 266.
- 20 *Жиронкина С.Д.* Модель межэтнических отношений в романе М. Юрсенар «Воспоминания Адриана» // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Воронеж, 2002. С. 116–121.
- 21 *Гальцова Е.* Указ. соч. С. 267.